Обоснованіе соціализма у Фихте [1]).

Въ настоящей лекціи я ставлю своей задачей выяснить, какъ и въ какомъ объемѣ обоснованы соціалистическіе принципы въ философской системѣ Фихте.

Уже по своему историческому моменту это обоснованіе должно возбуждать усиленный интересъ: сочиненія Фихте появляются въ свѣтъ раньше, чѣмъ труды родоначальниковъ французскаго и англійскаго соціализма: Фурье, Сенъ-Симона, Оуэна, Томсона.

Мы имѣемъ въ лицѣ Фихте, такимъ образомъ, не только перваго нѣмецкаго теоретика соціализма, но и перваго значительнаго мыслителя вообще, выступившаго съ обоснованіемъ соціализма въ новой философіи.

Шмоллеръ говоритъ: «идеи Фихте порождены пророческимъ духомъ одинокаго мыслителя». «Полстолѣтія онѣ дремлютъ, забытыя и нечитаемыя. Но скрытое въ нихъ *нравственное зерно* все-таки должно было принести свои плоды» [2]). Эти слова Шмоллера въ свою очередь оказались пророческими: новѣйшіе сторонники соціализма начинаютъ обращаться для обоснованія своихъ принциповъ къ идеалистической философіи, къ Канту и Фихте. Соціализмъ Фихте заслуживаетъ далеко не одного историческаго интереса; онъ заслуживаетъ принципіально-философскаго вниманія и обсужденія; и это именно благодаря тому «*нравственному зерну*», о которомъ упомянулъ Шмоллеръ; оно составляетъ его сущность, его исходный принципъ, его основное отличіе отъ другихъ соціалистическихъ ученій.

---

[1]) Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 7 февраля 1908 года.

[2]) Schmoller. Jahrbuch. f. Nationalök. u. Stat. Bd. 5. 1865. I. G. Fichte. Eine Studie.

Обоснованіе соціализма у французскихъ и англійскихъ мыслителей построено на эвдемонистическомъ принципѣ, на принципѣ счастья и благосостоянія. Такъ, напримѣръ, англійскій соціалистъ Вильямъ Томсонъ даетъ своему трактату такое заглавіе: «Изслѣдованіе о принципахъ распредѣленія богатства, наиболѣе способствующихъ человѣческому счастью».

Еще ярче выступаетъ эвдемонистическій принципъ у Фурье: онъ обѣщаетъ увеличить въ 20 разъ сумму наслажденій—«vingtupler la somme des jouissances», обѣщаетъ, что соціалистическій строй дастъ изысканныя духовныя и даже гастрономическія наслажденія, и называетъ тотъ періодъ всемірной исторіи, который наступитъ при торжествѣ соціализма, «апогеемъ счастья».

Какъ разъ обратное у Фихте: онъ отрицаетъ эвдемонизмъ, онъ выводитъ свой соціализмъ изъ строгаго нравственнаго міросозерцанія, которое требуетъ только дѣятельности, только непрестаннаго моральнаго творчества, а не наслажденія.

Другое основное отличіе Фихте отъ раннихъ или утопическихъ соціалистовъ состоитъ въ томъ, что послѣдніе въ своихъ философскихъ взглядахъ стоятъ на точкахъ зрѣнія грубѣйшей докритической метафизики.

Зомбартъ говоритъ: «Всѣ соціалистически-настроенные мыслители до 40-хъ годовъ XIX в. опирались на одно и то же метафизическое основаніе—на вѣру въ благость Бога (или природы); Богъ—добръ, а такъ какъ онъ создалъ міръ, то и міръ—добръ» [1]). «Если бы промышленность необходимо должна была имѣть такіе позорные результаты, какіе мы наблюдаемъ,—Богъ не создалъ бы ее», говоритъ Фурье.—Поэтому и человѣкъ добръ отъ природы; и всѣ тѣ задачи созданія совершеннаго общественнаго строя, которыя кажутся неразрѣшимыми и недостижимыми—на самомъ дѣлѣ разрѣшаются просто и естественно; нужно только познать природу и приблизиться къ естественному состоянію; въ природѣ человѣка уже заложены тѣ силы, которыя приведутъ къ общему блаженству—и разумность, и благость. Только отклоненія отъ природы, случайное неразуміе мѣшаетъ наступленію этого золотого вѣка, этого естественнаго состоянія. «Будущій порядокъ въ одно и то же время и «разумный», и «естественный». Разумъ ведетъ человѣка назадъ къ естествен-

[1]) Зомбартъ. „Соціализмъ и соціальное движеніе".

ному состоянію» [1]). «Общество вернется къ искренности своей природы», говоритъ Прудонъ.

Такое смѣшеніе научнаго знанія съ метафизическими надеждами, смѣшеніе законовъ существующаго съ законами долженствующаго въ понятіи «естественнаго», въ понятіи «непогрѣшимыхъ» законовъ природы, такой наивный оптимизмъ, наивная вѣра въ предустановленную гармонію—очевидно невозможны для философа, выросшаго изъ Канта. Не назадъ, къ мнимому «естественному» состоянію, а впередъ, къ конечнымъ цѣлямъ разумнаго творчества зоветъ онъ. Онъ не предлагаетъ довѣриться естественнымъ склонностямъ человѣческимъ и естественнымъ законамъ благой природы; онъ требуетъ освобожденія отъ этихъ склонностей и этой природы и не только освобожденія, но и покоренія, власти надъ ними. Моральная свобода состоитъ въ томъ, что практическій разумъ властвуетъ надъ природными склонностями; человѣческій прогрессъ состоитъ въ томъ, что практическій разумъ властвуетъ надъ слѣпыми силами природы. Эти понятія суть не факты, а конечныя цѣли, идеалы; и чтобы двигаться къ нимъ, чтобы достигать ихъ, вовсе нѣтъ надобности исходить изъ оптимистической вѣры въ естественную гармонію, а какъ разъ наоборотъ, изъ строжайшей критики существующаго, изъ критики факта.

Но кромѣ всѣхъ этихъ принципіальныхъ отличій Фихте отъ другихъ раннихъ соціалистовъ французскихъ и англійскихъ, существуетъ еще различіе—самое простое и самое яркое; обоснованіе соціализма у Фихте вытекаетъ изъ его философской системы; онъ даетъ обоснованіе соціализма въ своей философіи права, тогда какъ ни у одного изъ его соперниковъ нѣтъ ничего похожаго на настоящую философскую систему; они опираются въ обоснованіи своего соціализма, какъ мы видѣли, на произвольно взятыя и несвязанныя въ систему метафизически-религіозныя предпосылки; въ лучшемъ случаѣ, нѣкоторые изъ нихъ стоятъ на точкѣ зрѣнія «здраваго смысла».

Однако, существуетъ еще другое обоснованіе соціализма, точно

[1]) *Морелли*, напр., называетъ свое произведеніе „Кодексъ природы“ (1755 г.). Онъ доказываетъ, что, если современный человѣкъ золъ и несчастенъ, то лишь потому, чтъ онъ удалился отъ природы, создавши частную собственность; надо лишь возвратить его къ естественнымъ склонностямъ, т.-е. дать ему коммунистическій строй.

также относящееся отрицательно къ французскому и англійскому соціализму, точно также считающее этотъ послѣдній ненаучнымъ, и притомъ обоснованіе, пытающееся дать цѣлую философскую систему, цѣлое міросозерцаніе. Это столь знаменитое и столь распространенное теперь обоснованіе соціализма у Маркса и Энгельса. Особенно ярко можно освѣтить міросозерцаніе Фихте, а затѣмъ и особенности его соціализма именно посредствомъ противопоставленія ему міросозерцанія Маркса и Энгельса. Такой пріемъ тѣмъ болѣе законенъ, что міросозерцаніе Фихте пользуется пока значительно меньшей извѣстностью, чѣмъ міросозерцаніе марксистское, и, такимъ образомъ, мы пойдемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Марксъ и Энгельсъ даютъ уже въ своемъ «коммунистическомъ манифестѣ» основныя положенія своей философіи исторіи, которыя, затѣмъ, въ другихъ произведеніяхъ снова повторяются и подтверждаются: вся исторія есть исторія борьбы классовъ; образованіе классовъ есть результатъ извѣстныхъ экономическихъ соотношеній производства и распредѣленія, и ими же опредѣляются и отношенія господства. Имманентныя силы безпрерывно производятъ переворотъ производственныхъ, а съ ними и всѣхъ экономическихъ отношеній.

Идеальныя области человѣческой жизни—государство, церковь, искусство, наука, мораль—суть простыя выраженія наличныхъ производственныхъ отношеній, надстройки надъ экономическимъ фундаментомъ. Такое міросозерцаніе опредѣляется весьма точно терминомъ *историческаго матеріализма*. Въ основу своихъ построеній оно кладетъ категоріи причинности и субстанціальности. При этомъ основа историческаго процесса, его субстанція — есть субстанція матеріальная; и всѣ измѣненія этой субстанціи обусловлены неизмѣнными законами причинности.

Діаметрально противоположно міросозерцаніе Фихте. Если марксизмъ есть натурализмъ, философія природы, то философія Фихте—есть идеализмъ, философія свободы; если историческая необходимость, о которой говоритъ марксизмъ, есть необходимость каузальная, причинная, то необходимость, которую устанавливаетъ Фихте—есть необходимость моральная, необходимость цѣлей для свободной дѣятельности.

Если въ марксизмѣ организація хозяйственныхъ отношеній

опредѣляетъ научныя и моральныя воззрѣнія человѣка, то, наоборотъ, у Фихте мораль и наука опредѣляютъ организацію хозяйства. Для Фихте государство, церковь, искусство, наука и *хозяйство,* и *производственныя отношенія* суть выраженія свободы, продукты творческой дѣятельности по цѣлямъ.

Болѣе того, весь этотъ міръ, блистающій многообразіемъ красокъ и формъ, есть не что иное, какъ наше собственное созданіе, продуктъ нашего творческаго воображенія; продуктъ не случайный и субъективный, а необходимый и всеобщій—единая для всѣхъ, закономѣрная природа. И мы созидаемъ этотъ міръ не для того, чтобы пассивно созерцать его и любоваться имъ, а чтобы дѣйствовать въ немъ, преобразовать его; мы продуцируемъ его, какъ матеріалъ для свободнаго творчества.

Такимъ образомъ, въ противоположность натурализму, который основываетъ свое міросозерцаніе на категоріяхъ причинности и субстанціальности, Фихте строитъ свою систему на *идеяхъ* свободы и конечной цѣли. Первопринципъ его системы—«я», «das Ich» субъектъ, какъ свободно-разумная дѣятельность. Онъ можетъ сказать, какъ Фаустъ: «Im Anfang war die That» — «вначалѣ было дѣйствіе», свободное дѣйствіе субъекта.

Теперь мы можемъ опредѣлить, что значитъ обосновать соціализмъ въ философской системѣ Фихте. Для марксизма—обосновать соціализмъ значитъ показать, что въ силу неизбѣжныхъ экономическихъ переворотовъ онъ необходимо является какъ слѣдствіе въ историческомъ процессѣ; не нарушая своего метода, марксизмъ можетъ еще добавить, что это слѣдствіе соотвѣтствуетъ интересамъ одного изъ борющихся классовъ, интересамъ пролетаріата. Для Фихте—обосновать соціализмъ значитъ показать, что онъ является необходимой цѣлью для человѣческаго творчества, необходимой потому, что она является единственнымъ средствомъ для достиженія другихъ высшихъ цѣлей. Фихте говоритъ: «цѣль земной жизни человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы оно свободно устроило свое положеніе сообразно съ разумомъ» [1]). Такая цѣль, такое свободное устроеніе, требуетъ соціализма. Для Фихте мало показать, что соціализмъ соотвѣтствуетъ интересамъ неимущихъ трудовыхъ классовъ; ему, какъ мы видѣли, мало даже показать, что соціализмъ со-

1) „Черты современной эпохи“.

отвѣтствуетъ интересамъ всего человѣчества, ибо не всякій интересъ заслуживаетъ удовлетворенія; онъ можетъ признать соціализмъ только тогда, если онъ постулируется моральнымъ принципомъ; онъ обосновываетъ соціализмъ на идеѣ справедливости, на принципѣ права. Его соціализмъ — не экономическій, а правовой. Мы должны его охарактеризовать точнѣе, какъ естественно-правовой. Но терминъ «естественнаго права» имѣетъ у Фихте совсѣмъ не то значеніе, какое онъ имѣлъ у писателей XVIII в., о которыхъ мы говорили. Здѣсь дѣло идетъ не о естественныхъ склонностяхъ и силахъ, заложенныхъ въ человѣческую природу самимъ Провидѣніемъ, —здѣсь говорится о тѣхъ правовыхъ нормахъ, которыя разумъ человѣческій построяетъ, критикуя существующія правовыя установленія. Именно къ такимъ нормамъ принадлежатъ соціалистическіе постулаты: они не суть нормы дѣйствующаго положительнаго права, ибо на землѣ нигдѣ нѣтъ соціалистическаго государства,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, они не суть только моральныя нормы, такъ какъ дѣло идетъ о *государствѣ* и *правѣ;* вотъ такія-то нормы права, несуществующія еще, но долженствующія существовать, Фихте называетъ естественнымъ правомъ, правомъ, вытекающимъ изъ разума и государство, построенное на такомъ идеальномъ правѣ, онъ называетъ *Vernunftstaat*—государство разума, противуполагая его государству факта.

Для того, кто овладѣлъ основными идеями системы Фихте, тотчасъ же становится яснымъ, что *естественное право* у Фихте означаетъ «разумное право», или *право долженствующее быть.* Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, въ «System der Rechtslehre» 1812 г. Фихте категорически высказываетъ эту мысль: «Naturrecht, d. h. Vernunftrecht, und so sollte es heissen» «естественное право— означаетъ разумное право и такъ должно было бы называться». (X, 498) [1]. «Die Rechtslehre ist eine Analyse des Rechtsbegriffs a priori, als eines *Soll.*» «Ученіе о правѣ — есть анализъ понятія права a priori, какъ нѣкотораго долженствованія» (X, 499). Наконецъ онъ говоритъ: «Wir entwickeln den Begriff des Rechts, als ein Soll, ohne die Frage nach dem empirischen: wie ist's, oder wie kann es werden» (X, 548). «Мы развиваемъ понятіе права,

[1]) Всѣ ссылки и цитаты указаны по I. G. Fichte: Sämtliche Werke, hrsg. v. I. H. Fichte 1845—46. Указаны томъ и страница.

какъ чего-то *долженствующаго,* не спрашивая объ эмпирическомъ фактѣ, какъ оно есть, или какъ оно можетъ быть».

Съ точки зрѣнія Фихте—соціализмъ можетъ быть обоснованъ только посредствомъ идей естественнаго, разумнаго права, ибо здѣсь дѣло идетъ не о существующемъ, а о долженствующемъ быть, не о государствѣ факта, а о государствѣ разума.

Чтобы показать, въ какой мѣрѣ Фихте защищаетъ соціализмъ, удобнѣе всего поставить вопросъ такъ, какъ это дѣлаетъ Антонъ Менгеръ въ своей книгѣ «Право на полный продуктъ труда». Онъ говоритъ: «конечныя цѣли соціализма можно обозначить нѣсколькими основными экономическими правами», и указываетъ затѣмъ въ качествѣ такихъ правовыхъ постулатовъ: 1) *право на полный продуктъ труда* и 2) *право на существованіе* (третій постулатъ—«право на трудъ»—какъ признаетъ самъ Менгеръ—есть только видоизмѣненіе права на существованіе). Въ различныхъ соціалистическихъ системахъ преобладаетъ то одинъ, то другой принципъ; при этомъ они выступаютъ въ различныхъ сочетаніяхъ и имъ придается самое различное положительное содержаніе. Поэтому гораздо легче объединить соціалистическія ученія на томъ, что они *отрицаютъ,* нежели на томъ, что они утверждаютъ. Право на полный продуктъ труда отрицаетъ нетрудовой доходъ; продуктъ моего труда не можетъ быть захваченъ другимъ частнымъ лицомъ, — капиталистомъ, или земельнымъ собственникомъ; однимъ словомъ, отрицаніе нетрудового дохода ведетъ къ отрицанію земельной ренты и прибыли на капиталъ, т.-е. къ отрицанію частной собственности на землю и на орудія производства. Этотъ отрицательный пунктъ есть самый общій признакъ всѣхъ видовъ современнаго соціализма.

«Это отрицаніе нетрудового дохода, — говоритъ Менгеръ, — является основной революціонной идеей нашего времени, подобно тому, какъ идея политическаго равенства господствовала во время французской революціи; по этому признаку можно отличить собственно соціалистическія партіи отъ простыхъ партій реформы». Въ какомъ отношеніи стоитъ Фихте къ этимъ основнымъ принципамъ соціализма? Онъ отрицаетъ нетрудовой доходъ, признаетъ право на продуктъ труда и право на существованіе. Такимъ образомъ, онъ всецѣло входитъ въ ряды соціалистовъ.

Фундаментъ нетрудового дохода—это частная собственность, римско-правовая конструкція собственности, какъ *абсолютнаго господства* надъ вещью; и Фихте производитъ нападеніе на самый фундаментъ, на «священную и неприкосновенную» частную собственность. Онъ даетъ совершенно другую конструкцію имущественныхъ отношеній. Въ основу кладется понятіе культуры, понятіе общественнаго прогресса, понятіе планомѣрной совмѣстной дѣятельности. Міръ вещей, міръ природныхъ силъ — есть арена для цѣлесообразной дѣятельности человѣка; онъ подчиняетъ стихійныя силы своимъ цѣлямъ, онъ культивируетъ природу; однако цѣлесообразная дѣятельность многихъ можетъ придти въ столкновеніе и взаимно уничтожить полезные результаты; необходимо создать гармонію этихъ разнообразныхъ дѣятельностей, найти ихъ синтезъ.

Такой синтезъ, такое разрѣшеніе конфликта между свободными дѣятельностями есть задача *права*. Фихте говоритъ: «Основная задача и основной вопросъ науки о правѣ: какъ возможно общество свободныхъ существъ, какъ таковыхъ?» (III, 85). Отвѣтъ дается такой: «только такъ, что каждое свободное существо ограничиваетъ свою свободу свободою всѣхъ остальныхъ» (III, 92, 120). Право есть взаимоопредѣленіе свободы многихъ. Только гдѣ есть споръ о свободѣ, только тамъ и право (X, 529). Право есть разрѣшеніе спора между свободными дѣйствіями многихъ (X, 546). Свобода каждаго должна быть сохранена, принципъ автономной личности долженъ быть незыблемъ, поэтому споръ можетъ быть разрѣшенъ только въ формѣ свободнаго соглашенія всѣхъ съ каждымъ и каждаго со всѣми на основахъ полной взаимности, т.-е. посредствомъ *общественнаго договора*. Ту часть общественнаго договора, которая имѣетъ въ виду синтезировать разнообразныя воздѣйствія людей на внѣшній міръ, Фихте называетъ *договоромъ собственности* и придаетъ ему первостепенную важность. На договорѣ собственности покоится государство; государство есть осуществленіе и обезпеченіе этого договора; безъ реализаціи этого договора невозможна культура, невозможно планомѣрное воздѣйствіе на внѣшній міръ, а слѣдовательно невозможно и самое существованіе человѣка. Государство должно каждому обезпечить извѣстную сферу дѣятельности, извѣстный кругъ вещей, какъ средствъ для его цѣлей.

Такимъ образомъ, основаніемъ собственности является цѣлесообразная дѣятельность, трудъ. «Продукты моего труда — моя собственность». Фихте цѣликомъ принимаетъ это положеніе (III, 219), но изъ его построенія вытекаетъ больше, чѣмъ только это: я имѣю право не только на то, что я произвелъ, но и на то, что мнѣ нужно для моихъ цѣлей, хотя бы я и не затрачивалъ труда на это средство. «Послѣднее основаніе права собственности на вещь — есть подчиненіе ея нашимъ цѣлямъ», говоритъ онъ (III, 114—117).

Конструкція права у Фихте, а слѣдовательно и права собственности требуетъ строгой взаимности отношеній; правовое отношеніе есть взаимоотношеніе; я только ради того признаю чужую сферу свободы, чтобы другіе признавали мою сферу свободы; поэтому тотъ, кто не имѣетъ никакой собственности—не обязанъ соблюдать ничью собственность. Договоръ собственности требуетъ, чтобы каждому было предоставлено свое—suum cuique.

Теперь спрашивается, какова можетъ, какова должна быть эта дѣятельность, ради которой заключается договоръ собственности? Это конечно дѣятельность по цѣлямъ; но каковы эти цѣли? У каждаго свои цѣли, цѣлей безчисленное множество; но при всемъ различіи, нельзя ли найти общую цѣль? (III, 211. X, 530). Такая цѣль есть: первая и непосредственная цѣль всякаго труда, всякой работы—это жить, жить своимъ трудомъ [1])! (III, 212—215). И не просто жить, а жить какъ можно лучше, εὖζῆν—«so angenehm leben, als es möglich ist» (III, 402). Теперь договоръ собственности получаетъ содержаніе, получаетъ единую общую цѣль. Фихте говоритъ: «сфера свободныхъ дѣйствій распредѣляется между отдѣльными лицами посредствомъ договора всѣхъ со всѣми, и изъ этого дѣленія возникаетъ собственность. Но какъ должно быть произведено это дѣленіе, чтобы оно было сообразно принципу права; или достаточно того, чтобы оно было произведено, какой бы результатъ ни вышелъ изъ этого дѣленія?» (III, 402). Нѣтъ, оно опредѣляется общей цѣлью: жить и давать жить другимъ: «leben und leben lassen!» (ibid.) Каждому должно быть обезпечено право жить своимъ трудомъ (III, 215).

---

[1]) „Der Zweck aller menschlichen Thätigkeit — ist der, leben zu können". (III, 402).

Тотъ, кто не имѣетъ никакой собственности — не обязанъ соблюдать ничью собственность; болѣе того: тотъ, кто поставленъ въ невозможность существовать своимъ трудомъ, также ничѣмъ не связанъ, ибо ему не предоставлено то, ради чего онъ заключаетъ договоръ (X, 532). Однако, если весь трудъ человѣка уходитъ только на поддержаніе жизни, то онъ не можетъ вести достойное человѣка существованіе; его жизнь будетъ подобна жизни вьючнаго скота. Съ какою болью Фихте видитъ это моральное униженіе человѣческаго рода, съ какою силой онъ требуетъ человѣческихъ правъ!

Вотъ его слова: «Человѣкъ долженъ работать; но не такъ, какъ вьючное животное, которое, истомившись, засыпаетъ подъ своей ношей, а затѣмъ, послѣ неизбѣжнаго отдыха разбуженное снова влачитъ свою кладь. Нѣтъ, онъ долженъ работать безъ страха, чтобы возносить свое око и свой духъ къ небу, для созерцанія котораго онъ созданъ. Не подобаетъ ему питаться вмѣстѣ со скотомъ; его пища такъ же должна отличаться отъ корма, его жилище отъ стойла, какъ его прекрасное тѣло отличается отъ тѣла животнаго. Это его право, уже только потому, что онъ человѣкъ» (III, 423).

«Это не *благочестивое пожеланіе* только,—это право и назначеніе человѣчества—жить такъ легко, такъ свободно, съ такою властью надъ природой, такъ истинно-человѣчно, какъ только позволяетъ это природа» (III, 422). Этими словами устраняются всѣ пастырскія проповѣди личной благотворительности и состраданія, всѣ эти попытки разрѣшить соціальный вопросъ посредствомъ подвиговъ индивидуальной доброты.

Фихте примыкаетъ здѣсь къ своему великому учителю Канту, который сказалъ, что народъ хочетъ не благотворительности, а своего права, «такъ какъ для одаренныхъ свободой существъ недостаточно пользоваться благами жизни: для нихъ важенъ принципъ, по которому они добываютъ эти блага» [1]).

Эта цѣль—жить культурно, жить достойно человѣка—достигается правомъ и государствомъ. Это цѣль общественнаго договора, цѣль, сообразно съ которою само человѣчество должно урегулировать свои имущественныя отношенія.

---

[1]) Streit der Facultäten ed. Kehrbach, стр. 106. Ср. Losen Blättern, стр. 574 и далѣе.

И какъ бы для того, чтобы заставить окончательно умолкнуть голоса тѣхъ, которые считаютъ эти цѣли низменною заботой о земномъ,—Фихте прямо заявляетъ, что жить, и жить какъ можно лучше, не есть, конечно, послѣдняя цѣль для человѣчества; нѣтъ, это только первая цѣль для свободнаго творчества; въ порядкѣ цѣлей это — только средство къ достиженію конечной цѣли—моральной свободы: «Freiheit ist das höchste Gut» (IV, 410). Временная жизнь человѣка, конечно, не есть «цѣль въ себѣ»; нѣтъ, она — только средство, но средство единственное, а потому *святое:* «Das zeitliche Leben—ein Kampf um Freiheit». Конечная цѣль этой временной земной жизни есть царство свободы, царство Божіе на землѣ.

Теперь, въ обоснованіе своего соціализма, Фихте выступаетъ съ двумя основными принципами, которые и до, и послѣ него выставлялись соціалистами: онъ требуетъ *націонализаціи земли* и *обобществленія производства.* И то, и другое съ логической необходимостью вытекаетъ изъ его конструкціи собственности.

Фихте отрицаетъ римскую конструкцію собственности, какъ *абсолютнаго господства* надъ вещью, а потому отрицаетъ и частную собственность на землю. Такая собственность покоится на представленіи, что существуетъ право исключать другихъ изъ пользованія землею, безъ того, чтобы самому ее утилизировать; но это прямо противорѣчитъ принципу взаимности въ правѣ и принципу труда, какъ фундаменту собственности. Въ полномъ согласіи со своей конструкціей собственности Фихте признаетъ только право обработки земли и право на продукты этой обработки. Земледѣлецъ не можетъ запретить такого пользованія его землей, которое не вредитъ обработкѣ, напр. горнаго промысла. Никто не можетъ предъявлять свои права на землю, которую онъ не въ состояніи обрабатывать. Невоздѣланная земля есть собственность общины (III, 219). Но и вся земля вообще—есть собственность государства, и лишь оно, согласно своей цѣли—дать возможность всѣмъ существовать—раздаетъ землю въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ (X, 548). Такимъ образомъ, если земледѣлецъ не можетъ жить своимъ участкомъ, то необходимъ передѣлъ земли (III, 218).

Цѣль всякаго человѣческаго труда—жить, и жить хорошо, и она достигается тѣмъ полнѣе, чѣмъ выше продуктивность этого труда. Продуктивность же повышается съ развитіемъ техники

и съ раздѣленіемъ труда (III, 422—423. X, 543). Общая цѣль всего лучше и полнѣе достигается общими усиліями, общими средствами; «не каждый работаетъ для себя, а всѣ работаютъ совмѣстно для поддержанія жизни всѣхъ» (X, 542). Всѣ отвѣтственны за работу каждаго, ибо благосостояніе всей общины отъ нея зависитъ. Поэтому всѣ члены общины должны между собою урегулировать планомѣрность своего труда. Такъ дедуцируется право и обязанность государства регулировать производство и распредѣленіе. Вѣдь оно, это государство, отвѣтственно за жизнь всѣхъ, а слѣдовательно и за трудъ всѣхъ. Оно не можетъ предоставить эту важнѣйшую основу своего существованія игрѣ случайности, капризу личнаго произвола, борьбѣ страстей! Результаты такого ложнаго либерализма лучше всего видны на примѣрѣ несоціалистическаго государства, которое Фихте подвергаетъ жестокой критикѣ.

Существующія государства какъ разъ покоятся на той конструкціи, которую принципіально оспариваетъ Фихте, на пониманіи собственности, какъ абсолютнаго господства надъ вещью; на нихъ, говоритъ Фихте, можно видѣть, къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ приводитъ римская конструкція собственности.

Мы видимъ, говоритъ онъ, государства, какъ убѣжища земельныхъ собственниковъ; власть находится на службѣ у этихъ собственниковъ, она оплачивается ими (IV, 403). Естественно, что они требуютъ только охраны своего достоянія и не желаютъ никакого иного вмѣшательства въ свои дѣла. Отсюда— выгодность для нихъ теоріи, что государство создано только для охраны частныхъ правъ и что торговый оборотъ не касается государства. По этой теоріи, говоритъ Фихте, государство отпало бы, если бы не оставалось больше воровъ и разбойниковъ, ибо все остальное лежитъ за предѣлами его компетенціи (IV, 403—404). Но государство не есть только принуждающая сила, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и освобождающая сила; оно не есть деспотъ, посаженный для устрашенія злыхъ, оно—организованное по принципамъ права общество; «нѣтъ общества иначе, какъ въ государствѣ и черезъ государство» (X, 543). Было бы легкомысліемъ думать, что все пойдетъ само собою, что каждый самъ найдетъ работу и хлѣбъ (III, 447). Мы видимъ, что получается въ дѣйствительности: при полной взаимной неувѣрен-

ности одни грабятъ другихъ, зная, что и тѣ будутъ ихъ грабить, когда получатъ возможность (III, 447). Такую экономическую свободу Фихте называетъ беззаконіемъ: «Freiheit — das ist Gesetzlosigkeit des Erwerbs» (IV, 403). Результатомъ экономической свободы является экономическое рабство: человѣчество раздѣляется на богачей и бѣдняковъ; «Die Menschheit zerfällt in zwei Grundstämme: die Eigenthümer und die Nichteigenthümer» (IV, 404).

Такимъ образомъ, согласно Фихте, въ историческомъ государствѣ, въ государствѣ факта, господствуетъ выгода, а не справедливость,—сила, а не право; и моральная задача человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы превратить это фактическое государство въ государство разума. Средствомъ для этого является соціализмъ.

Мы можемъ теперь точнѣе выяснить отношеніе Фихте къ основнымъ правовымъ принципамъ соціализма. Кладетъ ли онъ въ основаніе своего построенія право на полный продуктъ труда, или право на существованіе? въ какой мѣрѣ онъ отрицаетъ нетрудовой доходъ?

Мы знаемъ, что нетрудовой доходъ возможенъ въ формѣ земельной ренты и въ формѣ прибыли на капиталъ. Земельную ренту Фихте отрицаетъ, ибо онъ отрицаетъ право частной собственности на землю; но какъ онъ относится къ другому виду нетрудового дохода: къ прибыли на капиталъ? какъ онъ относится къ праву частной собственности на орудія производства? Непосредственныхъ указаній на это мы не имѣемъ, и, однако, вопросъ рѣшается совершенно опредѣленно. Прежде всего, необходимо выяснить, почему Фихте не говоритъ объ этой сторонѣ нетрудового дохода. Дѣло объясняется тою историческою дѣйствительностью, какую онъ имѣлъ передъ собою. Промышленный переворотъ произошелъ въ Германіи, какъ выясняетъ Зомбартъ [1]), въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, до тѣхъ поръ господствовалъ старый типъ промышленности — ремесленное производство. Господство капитализма до 50 годовъ ограничивалось почти исключительно одной Англіей. Поэтому тѣ соціальные классы, какіе Фихте имѣлъ предъ собою, были: представители

---

[1]) Зомбартъ, „Германія наканунѣ экономическаго переворота" стр. 1—5. Ср. „Развитіе капитализма".

феодальнаго землевладѣнія—юнкера, и представители ремесленнаго производства и распредѣленія—мелкіе ремесленники и торговцы. Именно послѣднихъ, какъ представителей труда, Фихте и беретъ подъ свою защиту.

Что же касается современной буржуазіи, капиталистовъ въ современномъ смыслѣ слова, равно какъ современныхъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріата, то ихъ Фихте еще не знаетъ, ибо эти классы выдѣлились въ его отечествѣ лишь 50 лѣтъ спустя. Поэтому для него не возникаетъ и вопроса о правѣ собственности на орудія производства.

Однако, съ его точки зрѣнія этотъ вопросъ рѣшается въ томъ же смыслѣ, какъ и вопросъ о земельной собственности: Фихте отрицаетъ нетрудовой доходъ *принципіально* и во всѣхъ его видахъ; вѣдь нетрудовой доходъ есть захватъ продуктовъ чужого труда, захватъ, основанный на римско-правовой конструкціи собственности, которая позволяетъ исключать другихъ изъ пользованія вещью безъ того, чтобы самому быть въ состояніи ею пользоваться. Такую собственность, какъ неизбѣжно ведущую къ эксплоатаціи, Фихте отрицаетъ. Онъ признаетъ оба основныхъ соціалистическихъ принципа: право на полный продуктъ труда и право на существованіе, при чемъ даетъ ихъ синтезъ—право существовать своимъ трудомъ, и не простое право на существованіе, а право на достойное человѣка существованіе, право на свободный досугъ, право на умственное развитіе. Такъ широко понимаетъ Фихте задачи соціалистическаго государства.

Теперь спрашивается, каковы тѣ практическія средства, которыя ведутъ къ осуществленію этихъ цѣлей. На это Фихте отвѣчаетъ въ своемъ «Замкнутомъ торговомъ государствѣ». Въ главныхъ чертахъ они таковы. Чтобы граждане могли жить ни въ чемъ не нуждаясь, они необходимо должны: 1) *произвести* нужное количество сырыхъ продуктовъ; 2) *обработать* эти продукты и 3) *распредѣлить* ихъ посредствомъ обмѣна. Отсюда необходимость трехъ родовъ дѣятельности, трехъ состояній (Stände) въ государствѣ: производители, ремесленники и купцы. Число производителей опредѣляетъ число ремесленниковъ; число тѣхъ и другихъ опредѣляетъ число купцовъ. Это отношеніе равновѣсія регулируется государствомъ, поэтому оно опредѣляетъ количество людей каждаго состоянія. Состоянія образуютъ

замкнутые цехи. Но ввозъ продуктовъ изъ-за границы нарушаетъ равновѣсіе; поэтому иностранная торговля запрещается; само государство образуетъ *замкнутый* союзъ. Принципъ замкнутости составляетъ основу всего построенія, какъ показываетъ уже самое заглавіе «Замкнутое торговое государство». Для осуществленія всѣхъ этихъ мѣръ требуется непрерывный полицейскій надзоръ, организація полицейскаго государства.

Необходимо признать весь этотъ проектъ крайне неудачнымъ, даже для своего времени; онъ требуетъ возврата къ средневѣковымъ цеховымъ организаціямъ; болѣе того, онъ реставрируетъ античную идею *самодостаточности* государства, идею совершенно неприложимую къ новому міру [1]). Неудача постигла нашего философа потому, что онъ вторгся въ область, лежащую внѣ его компетенціи. Вопросъ ставился о томъ, *какъ должно быть устроено народное хозяйство*, чтобы каждый могъ жить своимъ трудомъ. Очевидно, что отвѣтить на это можетъ только прикладная политическая экономія. Вопросъ о средствахъ есть вопросъ техники, вопросъ прикладной науки, которая находится въ тѣснѣйшей связи съ чистой наукой, устанавливающей законы; что же касается практической философіи, то она устанавливаетъ только конечныя цѣли для техники, или же критикуетъ тѣ цѣли, какія преслѣдуются фактически данной техникой.

Шмоллеръ говоритъ: «заслуга Фихте состоитъ въ томъ, что онъ показалъ безнравственность современнаго хозяйственнаго оборота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарисовалъ задачи, которыя дѣйствительно должны быть для каждаго экономиста истиннымъ идеаломъ правомѣрной экономіи». Можно добавить, что Фихте долженъ былъ ограничиться этимъ; какъ, какими средствами достигать этихъ идеаловъ, какъ разрѣшить эти задачи — это уже дѣло экономиста. И Шмоллеръ, какъ экономистъ, имѣлъ право отрицать тѣ средства, которыя предлагалъ Фихте, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавать незыблемость его этико-философскихъ принциповъ. Онъ говоритъ: Фихте правильно указалъ, каковы истинныя задачи человѣческаго общества, но ошибался въ томъ, каковы средства къ ихъ осуществленію.

Обозрѣвая теперь построеніе Фихте въ его цѣломъ, со всѣми достоинствами и недостатками, и задавая себѣ вопросъ о его

---

[1]) См. Іеллинекъ, „Право совр. госуд.“, 286—285.

принципiальной философской цѣнности, мы должны помнить прежде всего, что это только *первое слово* идеалистической философiи о соцiализмѣ, а никакъ *не* ея *послѣднее слово*. Когда Кантъ установилъ основной принципъ практической философiи, принципъ личности какъ самоцѣли, то онъ въ сущности предрѣшилъ вопросъ соцiализма; захватъ продуктовъ чужого труда, присвоенiе себѣ нетрудового дохода всегда влечетъ за собою опасность обращенiя личности рабочаго въ средство и только въ средство.

Какъ Кантъ относился къ имущественной эксплоатацiи, видно изъ его собственныхъ словъ: онъ называетъ *весною* по отношенiю къ человѣческому роду, когда одни пользуются выгодами, ради которыхъ другiе должны терпѣть тѣмъ большiя лишенiя [1]).

Заслуга Фихте состоитъ только въ томъ, что онъ сдѣлалъ послѣдовательный выводъ изъ этическаго принципа Канта. Но въ системѣ Фихте этическiй принципъ Канта претерпѣлъ значительныя измѣненiя. Принципъ автономной свободной личности, какъ идеи, конструирующей этику, превратился у Фихте въ мiровой принципъ, въ первооснову; абсолютное «я», субъектъ, какъ безконечная дѣятельность, есть первооснова всего сущаго и всего должнаго, есть принципъ и онтологическiй, и телеологическiй. Приматъ практическаго разума превратился въ суверенитетъ практическаго разума. Философiя посредствомъ интеллектуальнаго созерцанiя раскрываетъ подпочву мiрового процесса, его метафизическое основанiе; и это основанiе есть безконечная дѣятельность свободнаго «я».

Характеризуя мiросозерцанiе Фихте и обоснованiе соцiализма въ этомъ мiросозерцанiи, мы сравнивали его съ историческимъ матерiализмомъ Маркса и Энгельса. Получались двѣ полярныхъ нравоучительности: матерiализмъ и идеализмъ; философiя природной необходимости и философiя этической свободы. Платонъ говоритъ: «противоположности какъ бы связаны концами». Что общаго находимъ мы въ этихъ системахъ? Прежде всего онѣ требуютъ соцiализма. Но этого мало, въ ихъ мiросозерцанiяхъ должна быть скрыта какая-то точка соприкосновенiя, которая дѣлаетъ ихъ полярными. Теперь уже нетрудно усмотрѣть ее: обѣ системы утверждаютъ, что открыли *истинную первооснову*

---

[1]) S. W. ed. Rosenkranz Bd. IX, S. 304. Cp. Bd. IV, S. 329—330.

историческаго процесса; обѣ системы покоятся на метафизическомъ фундаментѣ. Нетрудно открыть и метафизическую родословную марксизма, которая открываетъ его кровное родство съ системой Фихте: Гегель говоритъ, что въ его системѣ субстанція становится субъектомъ. Эту основную мысль онъ беретъ у Фихте. Лѣвые гегельянцы, и въ числѣ ихъ Марксъ, снова сдѣлали субъектъ субстанціей и, притомъ, матеріальной субстанціей. Правильность этой генеалогіи подтверждаетъ самъ Энгельсъ; онъ говоритъ: «мы, нѣмецкіе соціалисты, гордимся тѣмъ, что происходимъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна, но и отъ Канта, Фихте, Гегеля».

Такимъ образомъ, соціализмъ Маркса и Энгельса, такъ же какъ и соціализмъ Фихте, покоится на метафизической основѣ. Поэтому правъ Зомбартъ, когда говоритъ: «Только въ этомъ сліяніи политическихъ и экономическихъ стремленій съ догмами *метафизически обоснованнаго воззрѣнія* на міръ и жизнь, находится объясненіе того догматическаго фанатизма, той непреодолимой силы вѣры, съ которой такъ часто защищаются ученія соціализма»[1]).

Если мы теперь, въ заключеніе, спросимъ себя, въ чемъ же состоитъ основная черта фихтеанской метафизики, то мы должны отвѣтить: въ ея этическомъ характерѣ. Этико-метафизическій фундаментъ поддерживаетъ всѣ построенія этой системы. Могучій призывъ къ моральному творчеству дѣлаетъ ее особенно увлекательной. Всѣ великіе вопросы человѣчества и, въ числѣ ихъ, соціальный вопросъ ставятся здѣсь какъ вопросы этики. Въ этомъ и состоитъ то первое слово идеалистической философіи о соціализмѣ, которое она произноситъ устами Фихте; оно сохраняетъ свое значеніе и по настоящее время. Глава современныхъ неокантіанцевъ Германъ Когенъ, который отрицаетъ фихтеанскую метафизику, признаетъ правильной точку зрѣнія Фихте на соціальный вопросъ, какъ на вопросъ этическій. Онъ говоритъ: «Соціализмъ правъ, поскольку онъ основывается на этическомъ идеализмѣ. Этическій идеализмъ служитъ ему основаніемъ»[2]).

Б. Вышеславцевъ.

---

[1]) Соціализмъ и соціальное движеніе.

[2]) Cohen: „Einleitung mit kritischem Nachtrag" zur 5 Ausgabe der „Gesch. d. Mat." Fr. Al. Lange. 1896.